

На правах рукописи

КРАЕВА Татьяна Васильевна

**ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ФРАНЦУЗСКИХ ЛЕВЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
(1917 – сер. 30-х гг. XX в.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург
2006

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А.М. Горького», на кафедре новой и новейшей истории.

Научный руководитель:	кандидат исторических наук, доцент В.А. Бабинцев
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН А.В. Чудинов
	кандидат исторических наук, доцент Т.П. Нестерова
Ведущее учреждение:	Уральский государственный педагогический университет

Защита состоится 27 октября 2006 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «____» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

В.А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы продиктована необходимостью современного переосмысления опыта левого движения с позиций научной объективности. XX век непостижим без учета левого фактора в политической и интеллектуальной истории, без оценки международного влияния русской революции 1917 года в глобальных коллизиях эпохи. Однако ныне исследование подобных проблем отошло на второстепенный план, историей левого движения занимаются, как правило, сами левые, что в совокупности определяет известную односторонность подхода. Кроме того, новейшие тенденции в исторической науке делают актуальным применение к изучению политической истории методов, включающих в себя обращение к внутреннему миру человека, его впечатлениям и представлениям. Научная значимость работы определяется потребностью в преодолении идеологического детерминизма, в более углубленном изучении феномена представлений и их влияния на конкретно-историческую практику. При всей фундаментальной важности идеологии, действия исторических персонажей зачастую определяются не абстрактными идеями, а их субъективной, чувственно воспринимаемой конкретизацией. Работа позволяет пролить дополнительный свет на историю левого движения Франции путем обращения к тому уровню человеческого сознания, на котором исторические события не столько осмысливались, сколько переживались, отражаясь в практическом опыте и творческом наследии левых интеллектуалов.

Объект исследования – французские интеллектуалы, разделяющие систему левых ценностей и взглядов, их идейное и творческое наследие.

Предмет исследования – образ революции как системообразующий фактор комплекса представлений французских левых интеллектуалов первой трети XX века.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1917 – сер.30-х гг. XX в. Революционные события в России 1917 года оказали огромное влияние на эволюцию представлений французских левых интеллектуалов. В своих произведениях левые неизменно характеризовали 1917 год как начало новой эры, точку отсчета для построения справедливого общества. 1917 год – момент соприкосновения представленных моделей революции и реальной революционной практики, в которой многие французы приняли непосредственное участие. В качестве конечной вехи выделена середина 30-х гг. 1935 год – дата проведения I Международного Конгресса писателей в защиту культуры. Во-первых, Конгресс четко обозначил противоречия между французскими левыми интеллектуалами в отношении к внутренним событиям в СССР; во-вторых, с середины 30-х гг. на смену центральной идее революции приходят новые, продиктованные вызовами эпохи: систему представлений начинают определять борьба против угрозы фашизма и разоблачение советского тоталитаризма. Внутри указанного хронологического отрезка можно выделить 2 этапа: 1)1917 –

сер.20-х гг; и 2)сер.1920-х – сер.30-х, которые отличаются по восприятию революции, составу захваченных революционной идеей, по особенностям взаимоотношений советского руководства и французских интеллектуалов. При реализации поставленных в работе задач привлекались также данные по более раннему периоду, это обусловлено тем, что исследуемый феномен поддается анализу только в рамках длительной временной протяженности, в силу чего, его рассмотрение необходимо начинать с тех представленных моделей, которые сложились до Русской революции 1917 года.

Целью работы является выявление образа революции в системе представлений французских левых интеллектуалов в 1917 - сер.30-х гг. Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать особенности левой политической культуры Франции начала XX века и выяснить укорененные в ней варианты образа революции.
2. Реконструировать модели представлений о революции в восприятии французских левых интеллектуалов.
3. Рассмотреть эволюцию образа революции под влиянием столкновения присущих французским левым интеллектуалам представленных моделей с реальной революционной практикой советской России.
4. Проанализировать взаимоотношения левых интеллектуалов с советским руководством и выявить применявшиеся им механизмы управления формированием представлений.
5. Соотнести индивидуальные и коллективные представления левых интеллектуалов Франции, выявить общие черты и различие в подходах к идее революции.

Методологическая основа исследования определяется сочетанием классических методов исторического исследования и методов смежных социальных наук, что придает работе междисциплинарный характер. В основе подхода – методология истории представлений, одно из перспективных достижений французской историографии (Р.Шартье, Ф.Арьес, Ж-Ф.Сиринелли), являющаяся частью ментальной истории. В основе метода находится анализ восприятий, ощущений, значительное внимание уделяется особенностям психологии и умонастроений людей прошлого. В качестве центрального понятия выступает «образ» как идеальная конструкция, совокупность образов формирует особенности представлений о том или ином предмете или явлении. В рамках новой интеллектуальной истории для понимания формирования представлений, соотношения представлений и действий конкретных интеллектуалов был применен индивидуально-биографический подход. Для решения поставленных задач были использованы наработки социологии и философии, – в частности, – философский контекст исследования определяется разработанной британским философом и историком И.Берлиным теорией «позитивной» и «негативной» свободы, были применены также социологическая теория элит и системный подход.

Источниковая база исследования включает в себя обширный комплекс, в котором можно выделить несколько групп. Наиболее многочисленная группа – источники личного происхождения: *мемуары, автобиографические записи, дневники, частная переписка* французских левых интеллектуалов. Традиционно, исследование мемуаров выводит на первый план проблему достоверности данного источника. Глубокое личностное начало, чрезвычайная субъективность рассматриваются иногда не только как особое свойство мемуаров, но как недостаток, который непременно надо «снять», преодолеть, нейтрализовать, на этом основании мемуары понижаются в ранг источников «второстепенных». Однако если рассматривать мемуары не только с точки зрения получения достоверной фактической информации о событиях прошлого, но и выявления восприятий и ощущений участников, реконструкция прошлого таким, каким оно выглядело в представлениях современников, то в этом случае мемуары становятся богатейшим источником. Широкую панораму революционного движения в различных странах дают мемуары В.Сержа.¹ Автор – свидетель и участник наиболее значимых событий революционной эпохи. Личное знакомство автора как с представителями французской интеллектуальной элиты, так и с теми, чьи идеи и произведения оставались не столь востребованными, наполняет его воспоминания социокультурными смыслами изучаемого периода, дает подробности биографий, поведения французских интеллектуалов в различных ситуациях. Кроме того, воспоминания Сержа наглядно демонстрируют эволюцию образа революции в представлениях самого автора. Существенный вклад в рассмотрение указанной проблемы вносят его же «Записные книжки».²

Особое место в группе источников личного происхождения занимает 4-х томный «Русский дневник»³ П.Паскаля, охватывающий период с 1916 по 1933 год. Это высоко информативный и композиционно сложный источник, включающий: 1)дневниковые записи автора, составленные под непосредственным впечатлением пережитого, по горячим следам событий; 2) интегрированные в текст официальные и иные документы, вырезки из газет, письма, тексты, принадлежащие перу других людей; 3)позднейшие мемуарного характера фрагменты от автора в тех важных моментах, которые по разным причинам оказались не обеспечены записями своевременно. В эту же группу следует отнести воспоминания М.Боди⁴, члена французской

¹ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера/ Пер с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.; Оренбург, 2001.

² Serge V. Carnets. Arles, 1985.

³ Pascal P. A la Mission Militaire française 1916-1918. Mon journal de Russie. T.1. Lausanne, 1975; Idem. En Communisme. Mon journal de Russie. T. 2. 1918-1921. Lausanne, 1977; Idem. Mon État d'ame. Mon journal de Russie. T.3. 1922-1926. Lausanne, 1982; Idem. Russie 1927. Mon journal de Russie. T.4. 1927. Lausanne, 1986.

⁴ Body M. Un piano en bouleau de Carélie. Mes années de Russie 1917-1927.P., 1981; Idem. Petr Karlovic //Revue des Études slaves. LIV/1-2. P., 1982; Idem. Les groupes Communistes Français de Russie 1918-1921. P., 1988.

военной миссии в России, участника французской коммунистической группы в Москве. Начальный этап революции передает сквозь призму личного восприятия Жак Садуль в своих «Записках о большевистской революции»¹. Воспоминания о пребывании в Советской России оставили Поль Вайян-Кутюрье, Жорж Дюамель, Леон Муссиак². Значительную работу по публикации на русском языке воспоминаний французских писателей проделали авторы сборника документов «Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970»³. Помещенные частично в приложениях к основным разделам этой книги, стали доступны для изучения воспоминания писателей Люка Дюртена «Другая Европа. Москва и ее вера» (1928), «Московский дневник» (1935) Ромена Роллана (отрывки из которого ранее были опубликованы в журнале «Вопросы литературы», 1989. №3-5), Жана Геенно «Трудная вера» (1957). Книга Андре Жид «Возвращение из СССР»⁴ (1936), несмотря на то, что выходит за рамки исследуемого периода, вызвала сильный резонанс в кругах левых, а потому также используется для выявления эволюции представлений А.Жид. Большое значение для проникновения во внутренний мир интеллектуалов имеет их эпистолярное наследие, в частности, переписка Виктора Сержа и Анри Пулая, опубликованная в «Тетрадах Анри Пулая»⁵, переписка Горького с зарубежными литераторами, переписка Ромена Роллана с французскими писателями.⁶ Важные моменты для понимания системы представлений так называемых «социалистов чувства» 20-30-х гг. дают мемуары Жоржа Сименона «Я диктую».⁷ В целом, характеризуя эту группу источников, следует отметить, что она позволяет реконструировать образ революции в представлениях интеллектуалов и проследить его изменение под воздействием революционной практики в России, погрузиться в мир впечатлений и переживаний интеллектуала.

К этой же группе источников примыкают воспоминания о СССР, написанные по заказу в честь 10- и 20-летнего Юбилея революции. В фонде Иностранной Комиссии Союза Советских писателей собран значительный материал, подготовленный к 20-летию революции, где зарубежные, в том числе и французские писатели, вспоминают о своем пребывании в СССР (например, Л.Дюртен «Основные достижения СССР», воспоминания Франца Мазерееля, поздравления Р.Роллана и др.). Эти неопубликованные источники хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в

¹ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917-январь 1919). М., 1990.

² Vaillant – Couturier P. Un mois dans Moscou la Rouge. La vérité sur «l'enfer» bolchevik. P., 1926; Duhamel G. Le voyage de Moscou. P., 1927; Moussinac L. Je reviens d'Ukraine. P., 1933.

³ Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920-1970. М., ИМЛИ РАН, 2002.

⁴ Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР. М., 1990.

⁵ Cahiers Henry Poulaille № 4-5. P., 1991. № 4-5.

⁶ М.Горький и Ромен Роллан: Переписка (1916-1936)/РАН. Ин-т мировой литературы. М., 1996.

⁷ Сименон Ж. Я диктую: Воспоминания. М., 1984.

фонде Иностранной Комиссии Союза Советских писателей (Ф. 631.) Несмотря на свою тенденциозность и ярко выраженную апологетичность, подобные воспоминания полезны для исследования результатов управления представлениями, т.е. воспроизведения желаемого советской властью образа русской революции и СССР.

Следующая группа источников – *произведения политического и философского характера*: публицистика, книги, брошюры, опубликованные в 1920–30-е гг., в которых раскрывается общественно-политические взгляды французских интеллектуалов. К этой группе источников следует отнести публицистические работы Р.Роллана (опубликованные в 13 томе собрания сочинений Роллана)¹, статьи А.Барбюса², статьи В.Сержа периода сотрудничества в «Анарши», опубликованные под псевдонимом «Ретиф» (1910-1912 гг.)³, остро полемическую работу А. Бретона «Политическая позиция сюрреализма»⁴, манифесты и декларации сюрреалистов. Осмыслению революционной ситуации в России посвящены книги П. Паскаля, Б. Суварина, В. Сержа, Ж. Садуля⁵. Философские размышления французских левых интеллектуалов отражены в работах Ш.Пегги, С.Вейль⁶. Особое значение в этой группе имеют книги французских писателей, посвященные советским руководителям.⁷ Попытки рассмотреть эволюцию советского режима предпринимали уже сами современники этих событий, например В.Серж в книге «От Ленина к Сталину»⁸, А.Гильбо в работе «Конец Советов»⁹. Особенностью этой группы источников является то, что разноплановые по жанру, содержанию фактических событий, тем не менее, в совокупности они отражают изменения в представлениях под влиянием столкновения с реальностью русской революции.

Ценная группа источников – *художественные произведения*. В связи с тем, что большинство исследуемых интеллектуалов – писатели, то мировосприятие авторов не могло не отразиться в их текстах. Следует

¹ Роллан Р. Собрание сочинений в 14 – ти томах. Т.13.: Публицистика (1917-1939). М., 1958.

² Барбюс А. С ножом в зубах (к интеллигенции) /Перевод Л.Я. Круковской. Под ред. А.Н.Горлина. Петербург, 1922; Его же. Свет из бездны. К чему стремится группа «Клартэ»? Киев, 1923.

³ Serge V. Le Rétif. Articles parus dans «Anarchie» 1909-1912. P., 1989.

⁴ Breton A. Position politique du surrealisme. P., 1935.

⁵ Pascal P. En Russie rouge. P., 1921; Souvarine B. Éloge des bolcheviks. P., s/a; Serge V. Les Couloirs d'une Sûreté general. Ce que tout révolutionnaire devrait savoir sur la repression. P., /192-/; Idem. Pendant la guerre civil. Pétrograd, mai-juin 1919. Impression et reflection. P., 1921; Idem. L'an I de la revolution russe. Les débuts de la dictature du prolétariat (1917-1918). P., 1930; Idem. Les anarchists et l' experience de la revolution russe. P., 1921; Sadoul J. Vive la république des Soviets! Moscou, 1918.

⁶ Пегги Ш. Фундаментальные истины. Л., 1992; Вейль С. «Илиада» или Поэма о силе//Новый мир. 1990. №6.

⁷ Serge V. Vie et mort de Trotsky. P., 1951; Idem. Portrait de Staline. P., 1940; Idem. Lenin – 1917. P., /1924/; Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1936.

⁸ Serge V. De Lenine a Staline// Crapouillot, numéro special, janvier 1937.

⁹ Guilbeaux H. La fin des Soviets. P., 1937.

различать в этой группе: а) произведения, сюжет которых напрямую не ставит задачу раскрыть общественно – политические убеждения писателя, но так или иначе отражает его представления (таковы, например романы Р.Роллана, произведения А.Барбюса, стихи и проза сюрреалистов, книги А.Жида, А.Мальро, Ш.Вильдрака, Л.Дюртена, Ж.Дюамеля, Ж.-Р.Блока и др.); б) произведения, имеющие в своей основе автобиографический сюжет, например «Хлеб насущный» Анри Пулая, «Рождение нашей силы» В.Сержа.¹ Следует выделить сочинения откровенно идеологизированной окраски – поэма «Красный фронт»² Л.Арагона, сборник стихов, посвященный февральской революции, «Да здравствует русская революция»³, где были опубликованы стихи М.Мартине, А.Гильбо, П.-Ж.Жува, поэма А.Гильбо «Краскремль»⁴. В этой группе значительное место занимают художественные произведения В.Сержа 30- х гг.: они отличаются особенностью композиции (поскольку рукописи передавались во Францию тайно, каждая часть произведения представляет собой законченное произведение), по жанру – это романы–свидетельства (пример, роман «Завоеванный город»⁵). При изучении этой группы источников следует четко отличать позицию автора от позиции героя, отделять вымышленный сюжет от реальных фактов истории. Однако, именно художественные произведения наиболее ярко демонстрируют образ, сложившийся в представлениях автора и символически выраженный в слове.

Следующая группа источников – официальная *переписка* французских интеллектуалов *с государственными и партийными органами и организациями*: с редакциями журнала «Интернациональная литература», «Литературной газеты», Госиздатом, секретариатом МОРП, Союзом советских писателей. Помимо текущих дел, литературной жизни французских интеллектуалов, эти источники содержат материал о взаимоотношениях с коммунистическим руководством, об их разногласиях и совпадении взглядов. Многие документы из этой группы опубликованы в упомянутом сборнике документов «Диалог писателей» (см. с.6). Неопубликованные материалы, касающиеся деятельности МОРП, хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 541.)

Исторический контекст исследования опирается на анализ *документов учреждений и организаций* – Французской Коммунистической партии, МОРП, ИККИ. К этой группе необходимо отнести протоколы заседаний, постановления, инструкции, личные карточки сотрудников, их анкеты, мандаты. Эта категория источников помогает восстановить исторический контекст, уточнить некоторые детали биографий французских

¹ Poulaille H. Le Pain Quotidien. P., 1980; Serge V. Naissance de notre force. P., 1931.

² Арагон Л. Красный фронт. М., 1932.

³ Salut à la revolution russe 1917. Genève, 1917.

⁴ Guilbeaux H. Kraskremle et autres poèmes. P., 1922.

⁵ Серж В. Завоеванный город. М., 2002.

интеллектуалов, их участия в принятии официальных решений. Однако для выявления собственно образа революции она имеет меньшее значение.

Важным источником являются записанные *речи, интервью, беседы* французских левых интеллектуалов. Приезд в СССР очередного именитого гостя всегда активно освещался в советской прессе. В частности, привлечены газетные интервью Ж.Дюамеля, Л.Дюртена, Ш.Вильдрака, А.Мальро. Отдельный пласт источников этой группы составляют речи советских и французских писателей на I Международном Конгрессе писателей в защиту культуры (1935). Материалы Конгресса, опубликованные в советское время, подверглись серьезным сокращениям, часть выступлений оппозиционных советскому руководству французских писателей вообще исключена. В связи с этим были привлечены записи речей, воспроизведенных в «Тетрадах Анри Пулая»¹. В исследовании используется также такой источник, как запись беседы Р.Роллана со Сталиным в Кремле 28 июня 1935г². Более 60 лет этот источник не был известен ни на французском, ни на русском языке, и был опубликован в 1996 г в «Вестнике Архива Президента».

В качестве самостоятельной группы можно выделить массовые источники, представленные одним видом – *листовки* французской Коммунистической группы для пропаганды среди солдат Антанты. Эти неопубликованные источники хранятся в фонде Французской коммунистической партии в Российском государственном архиве социально-политической истории³. Данная категория имеет общую схему доказательств, внешнего оформления, словесных формулировок. Под пропагандистской личиной этих листовок просматривается представленческая модель, характерная для французских левых – самоощущение наследников героического революционного прошлого Франции.

Историографические аспекты темы исследования. Отечественные и зарубежные исследования, близкие к указанной теме имеют ряд общих особенностей. Во-первых, изучались, как правило, отдельные аспекты темы или частные биографии, а не система представлений как целостный феномен; во вторых, основное внимание уделялось анализу взаимоотношений левых интеллектуалов и СССР, нежели собственно представлениям о революции.

Отечественная историография по теме может быть разделена на две группы: 1)советская историография и 2)современные российские исследования

В советское время главное внимание в процессе исследования проблем левого движения уделяется деятельности иностранных групп на территории СССР, движению интернационалистов. Во второй половине 50-х гг. появляются работы об организации и деятельности в России иностранных

¹ Cahiers Henry Poulaille. P., 1991. № 4-5.

² «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд». Запись беседы Ромена Роллана и И.В.Сталина 28 июня 1935 года// Вестник Архива Президента РФ. 1996. №1.

³ РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д.4.

коммунистических групп. Этим вопросам посвящены работы Эльфонда Я.А., Черепениной И.Д.,¹ исследующие иностранные коммунистические группы в Советской России. Деятельности Иностранной коллегии и борьбе французских интернационалистов против иностранных интервентов в 1918-1920 гг. посвящены труды Коновалова В.Г., Цвилюка С.А., Гуляка А.И.²

В 60-70-е годы Л.М. Зак³ публикует ряд монографий и статей, посвященных французским интернационалистам, находившимся в Советской России в 1918-1920 годах. Большое внимание в ее работах уделяется отдельным личностям (Ж. Лябурб, И. Арманд, Ж. Садуль), в то время как остальные участники лишь упоминаются. Деятельности французско-интернационалистов и влиянию Октября на представителей левого движения Франции посвящены статьи во Французском ежегоднике за 1977 г.⁴

Целый пласт отечественной историографии связан с изучением партий левого спектра во Франции. В 1963 г. появляется капитальный труд В.И.Антюхиной - Московченко «История Франции 1870-1918»,⁵ в котором достаточно подробно рассматриваются и особенности левого движения во Франции, влияние левых на общественно политическую систему Франции в указанный хронологический период, однако вопрос участия интеллектуалов в левом движении практически не анализируется. Социалистической партии Франции посвящены работы С.С.Салычева⁶. Эта группа исследований содержит ценный материал по тактике борьбы, организационных структурах партий, конкретных решений съездов, однако не дает информации о мировоззрении конкретных социалистов, коммунистов и радикалов, – представителей французской интеллектуальной элиты. Более того, в случае с исследованиями о коммунистической партии Франции речь идет, прежде всего, о тех, кто, либо героически погиб сразу после революции в России, (Жанна Лябурб), либо стал проявлять сервильное отношение к советскому

¹ Эльфонд Я.А. О деятельности иностранных групп Российской коммунистической партии (большевиков) в годы гражданской войны и интервенции. М., 1969; Черепенина И. Д. Иностранные коммунистические группы в Советской России и их деятельность // Пролетарский интернационализм – боевое знамя коммунистической партии. М., 1969.

² Коновалов В.Г. Иностранная коллегия. Одесса, 1958; Его же. Герои Одесского подполья. М., 1960; Цвилюк С.А., Гуляк А.И. Деятельность французских коммунистов на Украине в 1919 году // Украинский исторический журнал. 1970. № 12.

³Зак Л.М. Они представляли народ Франции. М., 1977; Ее же. Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б) в 1918-1919 годах // Вопросы истории. 1960. № 2; Ее же. Славные традиции солидарности. М., 1962; Ее же. Ленин и французские интернационалисты в 1918-1919 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.

⁴ Вильдер М.З. Французские интернационалисты в защиту Великой Октябрьской социалистической революции // Французский ежегодник 1977. М., 1979; Кузнецова Н.В. Советская Россия и Франция (ноябрь 1917 – ноябрь 1918) // Французский ежегодник 1977. М., 1979.

⁵ Антюхина-Московченко В.И. История Франции 1870-1918. М., 1963.

⁶ Салычев С.С. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами 1921-1940 гг. М., 1973.

руководству (Марсель Кашен). Все, кто проявлял независимость мышления, или впоследствии отпал от коммунизма вообще были вычеркнуты из поля зрения. А среди интеллектуалов таковых было большинство.

Огромную работу в советское время проделали специалисты по французской литературе. Особенностью литературоведческих работ является глубокий биографический анализ, соотнесение общественно-политического пути интеллектуала и его творчества. Особенно следует отметить работы Ф.С. Наркирьера, В.Е. Балахонова, Н.Я. Рыковой, Т.В. Балашовой, Л.Г.Андреева.¹ Многочисленны статьи 60-70-х гг. XX в. посвященные А.Барбюсу, Л.Арагону, А. Мальро, Р.Роллану, Ж.-П.Блоку и др. левым писателям Франции. Особую ценность составляет подход с точки зрения исследования образа в их творчестве, однако сказывается определенная идеологическая заданность, неортодоксальные писатели практически замалчивались. Тем не менее, советскими литературоведами были заложены серьезные основания для изучения обозначенной темы. В отличие от советского периода, для современного литературоведения не характерно обращение к так называемым «революционным» писателям Запада.

Большим прорывом для изучения образа революции в системе представлений французских левых стал поворот современных отечественных историков к проблемам ментальной истории, когда в центре исследования стал человек, с его впечатлениями, образами, ощущениями, традициями. Для понимания культурного, интеллектуального и политического климата Франции важна работа В.П.Смирнова «Франция в XX веке»². Книга написана как учебник, но по сути своей – научное исследование. Наибольшую важность для нашей работы представляет раздел о французских исторических традициях. Исследование традиций вольнодумства и революционности в политической культуре Франции, распространение либертарных идей способствует пониманию глубокой укорененности во Франции в XX веке левых идей. Однако, глава о традициях французов невелика и лишь намечает темы, которые могли бы стать предметом самостоятельного научного исследования – менталитета и системы представлений. Нужно отметить, что подобная постановка проблемы намечалась и в более ранних работах В.П.Смирнова³.

Большой вклад в изучение европейского левого движения внесла монография, подготовленная коллективом ученых Института всеобщей истории РАН «Левые в Европе в XX веке. Люди и идеи»⁴ (2002 г.). Сборник

¹ Рыкова Н.Я. Современная французская литература. Л., 1939; Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914-1924 гг. Л., 1958; Наркирьер Ф.С. Французская революционная литература (1914-1924). М., 1965; Балашова Т.В. творчество Арагона. М., 1964; Андреев Л.Г. Сюрреализм. М., 1972.

² Смирнов В.П. Франция в XX веке. М., 2001.

³ Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиции. М., 1988; Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789-1989. М., 1991.

⁴ Левые в Европе в XX веке. Люди и идеи. М., 2002.

охватывает широкие тематические рамки от социал-демократии до левого радикализма и анархизма. Тем не менее, специального очерка, посвященного именно французским левым в первой половине XX века, он не содержит. Между тем в очерке «Левые вчера и сегодня» А.А.Галкина формулируются основные составляющие левой системы ценностей, вносящие существенные коррективы в понимание сущности левого мировидения.

Для исследования образа революции необходимо выяснить особенности конкретизации левой идеи в представлениях отдельных интеллектуалов. Удачным примером такого рода является книга пермского историка Рахшмира П.Ю. «Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века»,¹ в которой анализируется мифотворчество Ж.Сореля.

Целый ряд отечественных исследователей в 90-е гг. XX века обращался к проблеме взаимоотношения западных интеллектуалов и СССР, выясняя, какие причины заставляли передовых писателей Запада, выдающихся интеллектуалов своего времени, поддерживать сталинский режим. Г.Куликова, Р.Медведев, Н. Эйдельман, А.Ваксберг² в своих статьях дают собственные оригинальные версии решения этой проблемы. При всей ценности указанных работ, зачастую задачи исследования решаются на примере только самых известных писателей, что касается французов, то исключительно на примере Анри Барбюса и Ромена Роллана.

Важное место в изучении творчества и мировоззрения таких левых интеллектуалов, как В.Серж и П.Паскаль занимают работы екатеринбургских историков В.А. Бабинцева, И. В. Жуковой, О.С. Даниловой.³

Зарубежная историография в осмыслении французского левого движения и, особенно, роли интеллектуалов достигла более значительных результатов. Для французских исследователей марксистского направления основополагающими стали работы Ж.Дюкло⁴ и Ж. Фревиля⁵. Хотя книга Дюкло вышла под титулом «Мемуары», ее очень трудно рассматривать как

¹ Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь, 1999.

² Эйдельман Н. Гости Сталина // Литературная газета. 04.07.1990; Куликова Г.Б. СССР 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1; Медведев Р. Писатели Европы на приеме у Сталина // Свободная мысль. XXI. 2002. № 9; Мельник К. Французские интеллектуалы обожали Советский Союз // Известия, 27 октября 2000; Ваксберг А. «...Барбюс стал жертвой преступления» // Литературная газета. 8.XII.93. № 49.

³ Бабинцев В., Иваницкий В. Вступ. Статья к публикации Сержа В. Из «Полночи века» // Родина. 1991. №4.; Бабинцев В. Вступ. статья к публикации Сержа В. «Ленинградская больница» // Звезда. 1994. № 6.; Бабинцев В., Лукьянин В. Свидетель защиты // Серж В. Полночь века; Дело Тулаева: Романы: [Пер. с фр.]. Челябинск, 1991.; Бабинцев В. От переводчика // Урал, 2002. № 6; Его же. Виктор Серж – свидетель эпохи «направляемой литературы» // Цензура в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 1996.; Жукова И.В. Виктор Серж о советском тоталитаризме // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003; Данилова О.С., Л.В. Слуцкая Л.В. Виктор Серж и Пьер Паскаль: попутчики большевизма // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003.

⁴ Дюкло Ж. Мемуары. М., 1974; Его же. Октябрь 1917 и Франция. М., 1967.

⁵ Фревиль Ж. Рождение Французской коммунистической партии. М., 1951.

исторический источник по интересующему нас периоду. Это скорее изложение определенной, идеологически заданной концепции событий, отражающий ту систему представлений, которая сложилась у автора после Второй Мировой войны. Для подобных работ, как и для советской историографии, кроме идеологической заданности, характерен достаточно ограниченный круг персонажей (строго соответствующих линии коммунистической партии).

Между тем еще в 1967 г. вышла книга английского социолога и публициста Дэвида Кота «Коммунизм и французские интеллектуалы 1914-1966».¹ На сегодняшний день, работа Д.Кота остается наиболее полным трудом, освещающим взаимоотношения французских интеллектуалов и международного коммунизма. В этом труде Д.Кота, как и в более позднем – «Попутчики. Интеллектуальные друзья коммунизма»², – выведены многие французские интеллектуалы, временно или постоянно поддерживавшие контакт с коммунистической системой, прослежена эволюция во взглядах на коммунизм под воздействием столкновения с советской практикой. Однако и здесь следует отметить то, что в работе Д.Кота исследуются в первую очередь игры французских интеллектуалов в коммунизм и взаимоотношения с Москвой, а проблема представлений уходит на второй план.

Этот пробел частично заполняет работа французского исследователя К.Желена «Ослепление. Социалисты и рождение советского мифа»³. Автору удалось разобраться в политическом мифотворчестве эпохи, рассмотреть представления французских социалистов, и их взаимоотношения с СССР. К сожалению, из всех представителей левого движения автор ограничился социалистами.

СOLIDное количество работ зарубежных авторов посвящено другому направлению левой мысли – анархизму. Среди них следует выделить книгу Мэтрона «История анархистского движения во Франции».⁴ Тем не менее, анархизм в этой книге рассматривается скорее как движение, чем как мировоззрение. Немаловажное значение для исследования рабочего и коммунистического движения во Франции имеют работы А. Крижель.⁵

Книга французского историка Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии» написана в форме исторического эссе, в котором автор пытается понять истоки коммунистического заблуждения, захватившего в свое время и самого автора. Позиция Фюре, считающего коммунизм иллюзией, достаточна спорна, однако автор приводит важные материалы биографического

¹ Caute D. Les communistes et les intellectuels français 1914 – 1966. P., 1967.

² Caute D. The Fellow-travellers: Intellectual Friends of Communism. New Haven; L., 1988.

³ Jelen Ch. L'Aveuglement, les socialistes et la naissance du mythe soviétique. P., 1984.

⁴ Maitron J. Histoire du mouvement anarchiste en France. Vol. I. P., 1975.

⁵ Kriegel A. Communismes au miroir français: temps, cultures et sociétés en France devant le communisme. P., 1976; Eadem. Histoire du mouvement ouvrier français. 1914-1920. P., 1964; Eadem. Les communistes français dans leur premier demi-siècle, 1920-1970. P., 1969.

характера левых интеллектуалов, дает оригинальную концепцию их роли в коммунистическом движении. Наконец, изучению личности и творчества отдельных левых интеллектуалов посвящены работы Р. Гримана, С.Вейсман, Ф. Буррине, Ж. Нива¹.

Особое место занимают работы, которые освещают проблему аналогий Великой французской революции и Русской революции 1917 года. В книгах Т. Кондратьевой и Э. Хобсбаума² анализируется природа этих аналогий, интерпретация отдельных этапов обеих революции в русской и французской среде, проблема взаимовлияния и объективного исторического сравнений этих двух событий. Т.Кондратьева акцентирует внимание на существовании аналогий как элемента в системе коллективного воображаемого и дает классификацию представлений об этой исторической параллели. Американский историк А.Мейер³ углубленно проанализировал проблему насилия в ходе двух революций, показав, что невозможно объяснить Террор только спецификой идеологии. Мейер исходит из тезиса о диалектическом единстве революции и контрреволюции, что в свою очередь обуславливает невозможность революции без применения насилия.

Отдельно следует отметить исследования в рамках концепции тоталитаризма. Несмотря на прогрессирующий скепсис отечественной историографии по отношению к этой концепции, европейские исследования тоталитаризма продолжают весьма активно, регулярно (2000, 2001, 2002, 2004 годы) проводятся международные colloquia с последующей публикацией их материалов. Для темы данного исследования важное значение имеет colloquium 2000 года, организованный университетом Париж X (проф. Стефан Куртуа) и посвященный истокам и возникновению тоталитарного феномена.⁴ Выводы участников международных дискуссий относительно факторов успеха или неудачи тоталитарных движений в отдельных странах Европы прекрасно коррелируются с тезисом В.А. Чаликовой об особой роли в истории XX века специфического типа интеллектуала: интеллектуала тоталитарного.⁵

¹ Гриман Р. Виктор Серж и русская революция. М., 1994; Его же. Виктор Серж и революционный роман // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003; Его же. Предисловие // Серж В. Завоеванный город. М., 2002; Вейсман С. Виктор Серж и социализм // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003; Буррине Ф. Тоталитаризм, госкапитализм и социалистический гуманизм В.Сержа // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003; Нива Ж. Пьер Паскаль, или «русская религия» // Новый круг. 1992. № 1.

² Кондратьева Т. Большевики – якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет. М., 1991.

³ Mayer A.J. Les Furies: Violence, vengeance, terreur aux temps de la révolution française et révolution russe. P., 2002.

⁴ Quand tombe la nuit. Origines et emergence des régimes totalitaires en Europe, 1900-1934. Lausanne, 2001.

⁵ Чаликова В.А. Несколько мыслей о Джордже Оруэлле (О романе «1984») // Знамя. 1989. № 8.

Анализ историографической ситуации убеждает, что данная тема далеко не исчерпана, напротив, близкие к теме исследования, затрагивая по преимуществу вопросы политической истории или творчества отдельных интеллектуалов, в сущности не вышли из плена «идеологического детерминизма», по выражению А.Мейера.¹ В связи с этим необходимым становится анализ обозначенной темы с точки зрения новых подходов и под новым углом зрения – исследования представленных моделей. Кроме того, даже французские историки школы «Анналов», признанные корифеи в деле изучения представлений, которые далеко продвинулись в исследовании отдельных видов представлений – о семье, смерти, грехе и т.д, только ставят вопрос об изучении представлений в системе.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного изучения истории французских левых в первой трети XX века с точки зрения истории представлений. Введены в оборот источники, прежде не использовавшиеся отечественной исторической наукой. В данном исследовании выработана классификация типов представлений французских левых интеллектуалов о революции. В контексте взаимодействия и взаимовлияния французских интеллектуалов с советской действительностью, выявлены новые аспекты межкультурного диалога, обусловившие неполную изоляцию советской России от европейского цивилизационного процесса.

Апробация и практическое использование полученных результатов. Основные положения диссертации нашли отражение в виде публикаций и докладов автора на международных конференциях «Демократический и либертарный социализм» (Москва, 2004), «Философия истории на рубеже тысячелетий» (Костонай, 2006); на Всероссийских конференциях «Личность в политике, науке, культуре» (Ярославль, 2005), «Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных воспоминаний» (Санкт-Петербург, 2004); на региональных научных конференциях «Интеллектуальная история: метод и перспективы» (Екатеринбург, 2005), «Война и российское общество: 1914-1945 годы» (Екатеринбург, 2005). Диссертация была обсуждена и одобрена на заседании кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А.М.Горького. Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий, спецкурсов и семинаров по истории левого движения во Франции 1917–сер.30-х гг. XX в. Отдельные положения работы могут применяться как для разработки специальных курсов по новейшей истории Франции, так и по истории французской культуры и филологии. Выводы данного исследования могут быть применены при создании специальных и обобщающих трудов по истории и

¹Mayer A.J. Op. cit. P. 20.

культуре Франции, истории русско-французского культурного диалога 20–30-х гг. XX века, по истории и теории изучения представлений как системы.

Структура работы. Диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, ее научная новизна, определяется предмет и объект исследования, формулируются цели и задачи работы, рассматривается степень разработанности проблемы в отечественной и зарубежной историографии, дается анализ источников, характеризуются методологические основы исследования.

В первой главе «Время мечты и исканий: представления левого спектра в интеллектуальной культуре Франции начала XX века» рассматривается левая составляющая в политической культуре и традициях французов, образы революции, укорененные в представлениях левых интеллектуалов Франции до событий 1917 г. в России.

Параграф первый «Французские интеллектуалы в политической и общественной жизни страны» освещает роль левых интеллектуалов в жизни Франции в начале XX века. Высокая степень распространения левых взглядов объясняется особенностями исторического наследия в котором значительное место занимают традиции свободомыслия и революционности. Среди черт национального характера французов выделяется стремление к свободе, неконформизм, готовность к протесту и критике существующего правительства, восприимчивость социальных идеалов. В силу этого, левые идеи глубоко укоренены, даже само деление на «правых» и «левых» восходит к историческому опыту Франции времен Великой французской революции. Во Франции интеллектуалы занимают достаточно высокие позиции в обществе именно в связи с их активной общественно-политической позицией. Ключевыми событиями, которые позиционировали интеллектуалов начала столетия в качестве борцов за социальную справедливость, стали дело Дрейфуса, русская революция 1905 года, казнь Франсиско Феррера в Испании в 1909 году. Своего накала общественная позиция левых интеллектуалов Франции достигла годы Первой мировой войны. Изначально, отношение интеллектуалов к войне было неоднозначным – от ультрапатриотизма до пацифизма, однако к концу войны возобладали антивоенные взгляды, которые наглядно демонстрируют произведения Анри Барбюса «Огонь», Жоржа Дюамеля «Жизнь мучеников», Раймона Лефевра «Жертвоприношение Авраама» и «Бывший солдат в 1920 году», цикл статей Ромена Роллана «Предтечи» и «Дневник военных лет». С 1917 года властительницей дум для многих французских левых интеллектуалов стала коммунистическая идея.

Во втором параграфе «Личины антибуржуазности» рассматривается специфическая устойчивая черта французской ментальности, связанная с

образом буржуазии в общественном восприятии. Литературная классика Франции отразила непривлекательный образ буржуа – мошенника и вора. Персонификацией характерного для Франции представления о буржуа стало определение «растиньяки» в противовес характерному для США «эддисоновскому типу». В критике существующего порядка у разных интеллектуалов выступают на первый план различные аспекты: моральный кризис и духовная деградация буржуазного общества, пренебрегающего вечными ценностями (религиозной моралью – в представлениях левого католика Шарля Пегги, Добром, Истиной, Справедливостью – в представлениях Роллана, Ж. Дюамеля, Ш. Вильдрака, Л. Дюртена), социальная несправедливость капитализма (В.Серж, Р.Лефевр, представители «рабочей литературы»). Особенно остро нарастание социального негативизма проявилось в годы Первой мировой войны, когда в восприятии французских левых интеллектуалов именно буржуазия становится ответственной за гибель соотечественников, стремясь получить выгоду и прибыль за счет военной конъюнктуры.

Третий параграф «Матрица Великой французской революции в системе представлений левых» выявляет роль Великой французской революции в качестве основополагающей модели представлений о революции вообще.

Импульсом для развития левых идей во Франции на протяжении веков стала Великая Французская революция, восприятие которой влияет на общественно - политическую практику всех пяти республик. Следует подчеркнуть, что именно к началу XX в. происходит решительное признание революционных традиций и атрибутов в качестве национальных символов, создание научной школы изучения Великой французской революции, утверждение революционной тематики в рамках системы школьного образования. Закрепление подобного отношения к Великой французской революции повлияло на представления левых интеллектуалов о революции в принципе: во-первых, французская революция, возведенная в ранг национальных символов, формировала пиетет по отношению к революции вообще, постулируя прогрессивное значение этого явления; во-вторых, это предопределило стереотипное обыкновение интеллектуалов идентифицировать Францию с французской революцией и рассматривать все революции сквозь призму 1789 года. В частности, на примере листовок французской коммунистической группы в Москве, большей частью за подписью социалиста Жака Садуля, становится понятным, что в системе представлений французских левых Франция выступает как страна плодотворных революций, сами французы – как наследники революционных традиций, героического прошлого, что обязывает их поддерживать борьбу за свободу, где бы она ни началась. Русскую революцию 1917 года они воспринимают как продолжение Великой французской революции, призванное довести до конца борьбу за ее идеалы.

В четвертом параграфе «Образы будущей революции» сопоставляются варианты революционного образа, сложившиеся в представлениях левых интеллектуалов Франции в начале XX века.

Мечта о революции была одной из главных составляющих мировосприятия левых интеллектуалов того времени. При этом, единого представления о том, какова будет новая освободительная революция не сложилось. Типы представлений о революции различались в зависимости от партийной принадлежности интеллектуала, его идеологических пристрастий и особенностей личного восприятия. Наиболее распространенными являлись три основных типа представлений. Первый характерен для писателей левого толка, зачастую не принадлежавших к какой-либо политической партии, но разделявших левые убеждения как систему ценностей – Р.Роллана, группы писателей унитаристов (Вильдрак, Дюртен, Дюамель и др.), левого католика Шарля Пегги. Суть этого представления – «моральная» революция, что означало революцию духа, стремление к духовному самосовершенствованию. Второй тип – анархо-индивидуалистический – характерен для представителей художественного авангарда и рассматривается более подробно на основе текстов журналиста – анархиста Виктора-Наполеона Кибальчича. По мнению анархистов в начале XX века революция не сможет ничего изменить, пока люди не обретут силы для борьбы. Они верят в революцию сильных личностей, а не в революционную силу организованного пролетариата. Другое представление складывалось в среде интеллектуалов – социалистов. Несмотря на то, что в начале XX века политика социалистов рассматривается как реформистская, а тактика является парламентской, представление о революции выступало в качестве целевого ориентира. В представлениях интеллектуалов – социалистов революция возможна и необходима, движущей силой революции должен выступить пролетариат, революция произойдет насильственным образом. Таким образом, в среде левых интеллектуалов складывались различные представления о будущей революции. Возможность сопоставить революционные иллюзии с реальной революционной практикой предоставила русская революция 1917 года.

Во второй главе «Время соблазна и консенсуса: особенности ментальности французских левых интеллектуалов в романтический период большевизма (1917 – сер. 20-х гг. XX в.)» рассматривается образ революции, складывавшийся у французских левых интеллектуалов под воздействием реальной революционной практики Советской России, по мере выявления этого образа подробно анализируются такие его составляющие как степень свободы и насилия в революционном процессе.

В первом параграфе «Русская революция как системообразующий фактор в комплексе представлений французских левых интеллектуалов» выявляется значение, которое оказала революция 1917 года в России на представления и практические решения французских левых интеллектуалов.

Изменения в комплексе политических, нравственных, эстетических представлений, ядром которого для левых является образ революции, как правило, являются реакцией на вызовы эпохи. Таким внешним фактором трансформации выступила революция 1917 года в России, которая повлияла как на представленные, так и на поведенческие модели, свойственные французским левым интеллектуалам. В соответствии с господствовавшим представлением о Великой французской революции как ориентире для всех последующих, русская революция была воспринята ими как продолжение 1789 года. При этом, первоначальное восприятие событий в России выстраивается в квазирелигиозную схему: суть революции – воплощение принципов Свободы и Справедливости, мечты о новом мире Добра и Разума, 1917 год – начало новой эры, Россия – святая земля добродетели, на русских революционеров возлагалась мессианская роль: нести революционную идею и освободить массы (отдельные элементы или их совокупность наглядно демонстрируют произведения Анри Гильбо, Анри Барбюса, Жоржа Пьоша). Вера в освободительную силу революции вообще предопределила обращение значительного числа французских левых интеллектуалов к Советскому государству. Приятие революции как принципа тем не менее не привело к полной и безоговорочной поддержке советской революционной практики. Следует выделить три основные позиции: 1) часть интеллектуалов вне зависимости от оговорок включилась в революционные преобразования, выступила в качестве партийных активистов (В. Серж, Р. Лефевр, Б.Суварин, А.Гильбо, П. Вайян– Кутюрье, А. Барбюс и др.); 2)интеллектуалы, которые, поддерживая в принципе идею социальной революции и восторженно приветствуя русскую в частности, предпочитали определенное время оставаться в роли благожелательных наблюдателей (Р.Роллан, Ж. Геенно, Ж.-Р. Блок, А.Франс и др.); 3)не одобряя насильственных действий со стороны большевиков, ряд французских интеллектуалов стремился к дружественным отношениям с советской страной, надеясь на позитивную эволюцию режима (например, Э. Эррио).

Во втором параграфе «Свобода или Освобождение» выделяется проблема свободы в революции, как стержневой элемент образа революции в представлениях французских левых интеллектуалов.

Анализ источников показывает, что в 1917 – сер. 20-х гг. в представлениях интеллектуалов Франции понятия «революция» и «свобода» выступали в неразрывном единстве. Конечной целью революции в их восприятии являлась вся полнота реализации свободы, что в их изначальном понимании казалось тождественным цели большевиков. При кажущемся внешнем единстве цели – достижении свободы – само понимание этой свободы у большевиков и французских левых интеллектуалов было различным. Произведения А.Гильбо, Р.Роллана, М.Мартине, П.-Ж. Жува, Ж. де Сен-При и др. показывают, что они воспевали идею «негативной » свободы, то есть, «свободы от» сил, нарушающих личное поле свободы человека, в данном случае – от господства буржуазии, капиталистического

гнета, правительства. Т.е. свобода понималась скорее как освобождение и невмешательство. Большевики в свою очередь выступали как носители «позитивной свободы», где коллективное «Я» (партия и пролетариат) выступает как носитель и творец свободы, при этом не исключено уничтожение многих частных свобод ради свободы коллективной. Однако, в «романтический период большевизма» представленные нюансы относительно идеи свободы выглядели несущественными поскольку на первый план выступало единство цели. Первое решительное столкновение образа революции и советской реальности относится к 1921 году – моменту подавления Кронштадтского мятежа. Для многих французских интеллектуалов требования кронштадтцев соответствовали их представлению об углублении революции, а жестокое подавление мятежа зародило первые сомнения в справедливости нарождающейся системы. Кроме того, для интеллектуалов главным принципом было сохранение независимости духа и творческая свобода, их пугало желание Москвы сплотить левых исключительно на коммунистической основе. Ярким выразителем подобных настроений стал Р.Роллан, выдвинувший в 1919 г. поддержанную крупнейшими писателями того времени идею создания «Интернационала Духа», свободного от интересов класса, политических партий и государства. Роллан подчеркивал, что защищать независимость мышления нужно даже от большевиков. Таким образом, уже в начале 20-х гг. проявились первые противоречия между представлениями о свободе в революции, характерными для французских левых и реальностью революционной практики в советской России, однако на данном этапе противоречия такого рода казались разрешимыми.

Параграф третий «Проблема революционного насилия» посвящен анализу основных точек зрения относительно использования принуждения, которые характеризуют представления французских левых интеллектуалов.

Реалии Русской революции привели французских левых к осмыслению правомерности применения в ходе ее насильственных методов. Сложилось два основных типа представлений. Первый тип имеет в своей основе оправдание Красного террора опытом Великой французской революции. Большинство французских левых интеллектуалов (прежде всего те, что активно включились в большевистские преобразования в качестве партийных активистов – Б. Суварин, В. Серж, А.Гильбо, Ж.Садуль, А.Барбюс) находили в полицейских и террористических методах большевиков практики соответствующие исторической памяти французской революции. Проводя прямую аналогию двух революций, они находили схожие обстоятельства – контрреволюция, внешняя угроза, Вандея – которые оправдывают необходимость и правомерность применения насилия, более того, ответственность за это перекладывалась с революционеров на противников революции. Насильственные методы большевиков ассоциируются с методами периода якобинской диктатуры, как неизбежные в ходе острого кризиса двух революций.

Второй тип представлений сводится к неприятию, ни при каких обстоятельствах, насильственных средств установления нового справедливого общества. Выразителями этого типа представлений стал Р. Роллан и группа его сподвижников (Л. Дюртен, Р. Аркос, Ж. Дюамель, Ж.–Р. Блок, Ш. Вильдрак). Их наиболее последовательным противником выступил А.Барбюс, что вылилось в полемику Барбюса – Роллана в начале 20-х гг. Разделяя в принципе идею революции и приветствуя русскую революцию, ролландисты задаются вопросом, как совместить практику революции с принципом отрицания насилия. Для Роллана этим синтезом стала попытка скрестить в своем мировоззрении учение Ленина и Ганди.

В третьей главе «Время разочарований и размежеваний (сер. 1920-х – сер. 30-х гг.)» анализируются сдвиги в представлениях о революции на этапе утверждения сталинизма. При этом отмечается парадоксальность ситуации сер. 1920-х – сер. 30-х гг. во взаимоотношениях французских левых интеллектуалов и СССР: в то время, как большинство интеллектуалов, в первые годы революции активных ее участников, покидает коммунистическую партию и держится в стороне от СССР, пробуждается новый всплеск интереса к советской стране со стороны писателей – антифашистов.

Параграф первый «Эволюция системы представлений левых под воздействием сталинской антиутопии» посвящен эволюции представлений той группы интеллектуалов, которые, столкнувшись с реальностью сталинской системы, выступили с ее критикой слева.

Отход от советского коммунизма, но отнюдь не разочарование в идее революции, таких интеллектуалов как В.Серж, П.Паскаль, А. Гильбо, Б.Суварин, М.Мартине, М.Паз, связан с утратой надежды на то, что представление о новом революционном обществе и его воплощение в СССР придут в соответствие. В восприятии этих интеллектуалов советский режим выглядел как полицейский, уничтоживший революционные достижения. Главную причину перерождения режима они видели в создании ЧК и чрезмерном применении насильственных методов (примечательно, что до сер.20-х гг. они искали и находили оправдания революционному насилию). Кроме того, их восприятие нового общества, связанное с представлением о непосредственном участии во власти народа, приходит в столкновение со сталинской реальностью отстранения пролетариата от власти и бюрократизации партийной структуры. Революция в их восприятии становится «пленницей партии». Эта группа французских интеллектуалов отмечает в своих произведениях уничтожение революционного авангарда в СССР, свободы суждений и дискуссий, подчинение международного коммунистического движения воле Кремля, возвышение культа личности Сталина, атмосферу тотального страха внутри советского общества, отсутствие справедливости и практику привилегий, материальную необеспеченность простых людей.

В параграфе втором «Причины нового притяжения французских интеллектуалов к СССР и политика целенаправленного воздействия на представления» выясняются причины возникновения новой волны попутчиков коммунизма и рассматривается советская политика целенаправленного воздействия на представления.

Наметившееся в сер.1920–сер.30-х гг. новое притяжение интеллектуалов к СССР и левой (в первую очередь коммунистической) идее во Франции объясняется трояко: 1) интеллектуальной реакцией на политику правительства Пуанкаре в отношении ФКП в конце 20-х гг.; 2) новой линией советского руководства в отношении западных интеллектуалов; 3) складыванием представления об СССР как единственной силе, способной к борьбе с фашизмом. Среди этих причин главной является последняя, значение которой все более усиливается к концу рассматриваемого периода, и она связана с проблемой формирования антифашистской культуры. В представлениях французских интеллектуалов образ СССР неизменно связывается с антифашистской деятельностью, а коммунизм приобретает своеобразную монополию на антифашизм. В силу последовательного антифашизма большинства интеллектуалов, неизбежным становится их сближение с коммунизмом.

Сближение с СССР выражалось как в форме постоянной поддержки (Анри Барбюс, Поль Вайян-Кутюрье, Ромен Роллан, отказавшийся к этому времени от своих прежних идеалистических убеждений), так и во временном попутничестве (группа сюрреалистов, Л.Дюртен, Ж.Дюамель, Ж.Геенно и др.). При этом их представления во многом являлись плодом воздействия сталинской политики по созданию благоприятного образа советской системы. Эта политика имела целую сеть механизмов, благодаря которым приезжавший в СССР зарубежный писатель путешествовал не по реальной, а по воображаемой советской стране-утопии. За этой иллюзией стояли четкие действия: детально прорабатывалась программа пребывания гостя, назначались ответственные, облеченные обязанностью общаться с иностранцем, исключался неконтролируемый контакт с населением, устраивались роскошные приемы и банкеты, организовывался выпуск огромного тиража произведений гостя в СССР, стимулировалось сплочение писателей не столько на литературной, сколько на политической основе (пример этого, – создание МОРП- международного объединения революционных писателей). Приметой времени стало то, что советское руководство скорее шло на сотрудничество с писателями-антифашистами, чем собственно левыми, поскольку их творческое осмысление марксизма и стремление к революционному идеалу стало опасным.

Параграф третий «Анри Барбюс и Ромен Роллан: возможности и пределы элитарной левизны» через призму личностей двух представителей писательской элиты выясняет особенности эволюции левозэлитарных представлений.

Исследование деятельности и творчества такого, казалось бы, ортодоксального коммуниста, как А.Барбюс, показывает, что зачастую он позволял себе проявление личной позиции, независимой от линии партии. Это положение подтверждается двумя основными моментами: 1) творческими исканиями писателя; 3) ситуацией вокруг созданного Барбюсом еженедельника «Монд». В области теории Барбюс всегда проповедовал идею народного искусства, в то время как в его творчестве этого времени появляются проникнутые мистицизмом книги «Иисус» и «Иисусовы Иуды», не имеющие ничего общего с провозглашенным им принципом. В результате чего, эти произведения оказалось невозможно публиковать в СССР. Что касается еженедельника «Монд», то он также вызывал нападки со стороны коммунистического руководства, поскольку единственным коммунистом в редакции «Монд» был сам Барбюс, а на страницах еженедельника печатались социалисты, социал- демократы и даже бывшие коммунисты. Идея взаимодействия с другими левыми силами, шла вразрез с линией Коминтерна в 1928 г., отвергавшего подобное сотрудничество. Однако, в представлениях левого интеллектуала о свободе творчества дискуссии с инакомыслящими выглядели вполне возможными.

Ромен Роллан, до сер.20-х гг. отстаивающий идеалистические позиции, становится одним из сторонников Советского государства. Однако, уже в сер.20–сер.30 - х гг. заявляют о себе его сомнения, что приведет его впоследствии к выводу об антигуманизме советской власти.

В параграфе четвертом «Сюрреалистическая мечта о революции: сновидения и пробуждение» рассматривается политическая траектория сюрреалистов: от увлечения мечтой о революции и ее воплощении в СССР к отрицанию коммунистической идеи.

Поворот к политике и, в частности, к ее коммунистическому варианту, относится к 1925 году, поскольку именно с этого времени понимание сюрреалистами революции стало носить политический и социальный характер, хотя и сохранялись черты ее восприятия как революции духа. Долгий, не без колебаний путь привел в 1927 г. Арагона, Бретона, Элюара, Пере и Юника к вступлению в коммунистическую партию. Пребывание группы Бретона в ее рядах оказалось очень кратковременным, а опыт показал, что представление о свободе сюрреалистов исключало их послушание воле партийного большинства. Главное противоречие состояло в том, что сюрреалисты были не склонны отражать в своем творчестве партийные задания и призывы, а черты анархии и бунта делали их подозрительными в глазах коммунистического руководства, которое требовало, чтобы они позиционировали себя в первую очередь, как коммунисты, а не как члены сюрреалистической группы. К 1932 г. пришлось делать выбор: Л. Арагон, Ж. Садуль и П.Юник окончательно порвали с сюрреализмом, в то время как группа Бретона перешла на критику советского государства с левых позиций и даже проявила тяготение к троцкизму: так возникло течение, получившее впоследствии название «литературный

троцкизм». Представления сюрреалистов о революции привели их к выводу, что сталинский режим выступает отрицанием всего того, что должна была осуществить революция.

В параграфе пятом «Советская действительность в восприятии французских интеллектуалов» анализируется отражение опыта воплощения революционной идеи в СССР на системе представлений французских левых интеллектуалов.

Как и в «романтический период большевизма», Советская страна оставалась объектом притяжения для левых интеллектуалов. Сер.1920 – сер.30 - х гг. – период постоянного «паломничества» в СССР. На данном этапе появляется новый аспект: Россия воспринимается уже не только с точки зрения революционного романтизма, но и в соответствии с результатами практического воплощения идей коммунизма. Представления о советской действительности включают в себя на данном этапе два основных момента: 1)восхищение экономическими достижениями советских людей, их трудовым энтузиазмом; 2) благожелательная критика отдельных сторон жизни советского общества (в первую очередь, ограничение свободы мышления и творчества). В это время происходит важная трансформация: если раньше революция воспринималась как отрицание всего, что относилось к прежней царской власти, то теперь, осмысливая высокую степень революционного насилия в Советской стране, многие левые интеллектуалы независимо друг от друга приходят к мысли об исторических традициях насилия, присущих России. Ж. Геенно, Л. Дюртен, Ж. Дюамель высказывают идеи, суть которых состоит в следующем: 1)существует преемственность старой и новой России; 2) насилие и преследование свободы суждений в СССР объясняется долгой историей террора в старой России; 3)преодоление недостатков советского общества возможно через осознание исторической сущности России.

Восприятие советской действительности французскими левыми интеллектуалами не только повлияло на представление о революции, но и раскололо их на критиков советской системы слева и ее защитников. Событием, продемонстрировавшим окончательное размежевание, стал Международный Конгресс писателей в защиту культуры (1935 г.). Противоречия, возникшие на Конгрессе по поводу «дела В.Сержа», показали, что часть интеллектуалов (М.Паз, Э.Мунье, А.Бретон, Ш.Плисье, А.Пулай и др.) видела необходимость защиты культуры не только от фашизма, но и от советского тоталитаризма. Другие же выступили активными защитниками СССР, поскольку именно в нем видели главного борца с фашизмом.

В заключении обобщаются основные выводы, подводятся итоги работы. В частности, вывод о том, что эволюция образа революции на протяжении рассматриваемого периода определялась воздействием внешнего, «русского» фактора, приводится классификация типов представлений. Кроме того, выясняется роль интеллектуалов в формировании и распространении представлений левого спектра о

революции. Социальная роль интеллектуалов состоит в том, чтобы определить и осмыслить вызовы современности в различных их аспектах и проявлениях. В рассматриваемый период одним из важнейших вызовов выступала Революция. Нельзя сказать, что представления интеллектуалов о революции имели следствием прямое распространение в массах и оказали непосредственное влияние на тактику и движение левых. Но особая роль интеллектуалов заключается в том, что в опосредованном виде через публицистику и художественное творчество эти представленные модели обретали широкий круг распространения, причем не только в среде левых, но охватывая и политически неангажированных читателей. Значение культурной составляющей любого политического движения определяется тем, что она как никакая другая способна к видоизменению и обретению новых форм.

Изучение представлений позволяет также составить портрет французского левого интеллектуала 1920–сер.30-х гг. Различные по своему происхождению, литературным направлениям (от «рабочей» литературы до авангарда), общественно-политическим убеждениям, они имели ряд характерных черт: практически все оказались увлечены коммунизмом, варьировались лишь формы – «попутничество», членство в партии или неофициальная поддержка; в любых политических ситуациях проявляли критичность и независимость мышления (показательно, что многие интеллектуалы – например, Серж, Суварин оказались в рядах троцкистской оппозиции, и даже правоверный коммунист Барбюс зачастую позволял себе «особую позицию»); для французских левых интеллектуалов также характерна частая эволюция политических взглядов. Именно французские интеллектуалы одними из первых осознали опасность советского режима, однако угроза еще более сильная – фашизм заставила их сделать выбор в пользу первого. Кроме того, представления о практике революции в СССР, развели впоследствии французских левых интеллектуалов, которые изначально имели единую цель – революцию – на противоположные полюса. Часть из них выступила как антитоталитарные левые. Другая группа тесно связана с феноменом «тоталитарного интеллектуала».

Проведенное исследование доказывает количественное и качественное преобладание среди французских левых интеллектуалов независимых, критически мыслящих личностей над типом «ангажированного» или «тоталитарного» интеллектуала, что можно рассматривать как одну из важнейших причин неуспеха левототалитарного движения во Франции.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Виктор Серж: роль личности в истории (альтернативы и реальность) // Личность в политике, науке, культуре (всемирная история). Доклады Всероссийской конференции молодых исследователей. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 15-17 сентября 2005 г. /Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: "Ремдер", 2005. С.94-99.
2. Интеллектуальная история в свете истории представлений // *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. №3. Интеллектуальная история. Вып.1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С.82-86.
3. Интеллектуальная история: метод и перспективы. Межрегиональная конференция // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 10. Екатеринбург, 2005. С. 292-295. (соавтор – В.В. Высокова).
4. Мемуары как источник по истории представлений: образ русской революции в воспоминаниях В.Сержа //Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С.308-313.
5. Первая мировая война и русская революция в восприятии членов французской военной миссии в России (1916-1918)//Война и российское общество: 1914-1945 годы: Материалы Пятых уральских военно-исторических чтений, посвященных 80-летию профессора И.Ф. Плотникова, Екатеринбург, 22-23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 50-54.
6. Применение метода истории представлений для исследования образа исторического явления (на примере образа русской революции в восприятии французских левых интеллектуалов) // Материалы международной научно-практической конференции «Философия истории на рубеже тысячелетий». Костонай, 2006. С.95-100.
7. Советская Россия глазами французского попутчика большевизма (Марсель Боди «Пианино из карельской березы. Мое пребывание в России. 1917-1927») // Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных воспоминаний. Материалы 36-й Всероссийской заочной научной конференции / Под редакцией С. Н. Полторака. Спб.: Нестор, 2004. С. 161-164.
8. Христианство и большевизм в интеллектуальных исканиях Пьера Паскаля // *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. №4. Интеллектуальная история. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 129-136.

Подписано в печать Формат 60*84 1/16
Бумага типографическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5.
Тираж 100. Заказ № Екатеринбург, к.83
Пр. Ленина. Типолаборатория УрГУ